

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОБСТВЕННОСТИ

Н.П. Рыжова

ЗЕМЛЯ И ВЛАСТЬ: РАЗЛИЧИЯ В ПОДХОДАХ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОБСТВЕННОСТИ (СЛУЧАЙ НЕФОРМАЛЬНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ КИТАЙСКИХ ФЕРМЕРОВ)*

В статье рассматриваются междисциплинарные границы в исследованиях собственности. Автор доказывает, что не предмет, базовые теории или методы, но различное концептуальное понимание природы власти, ее роли в распределении и управлении экономическими ресурсами определяют границы между экономическим, социологическим и антропологическим подходами к исследованию собственности. В отличие от экономического подхода, где государству отводится роль гаранта прав собственности и источника хороших или плохих институтов, в социологическом подходе власть в отношениях собственности присутствует в явном виде, дихотомически определяя отношения между доминирующими и подчиненными, а исключительная роль когерентного государства в обеспечении инфорсmenta подвергается сомнению. Антропологический подход ставит под сомнение как современные знания о собственности, настаивая, что они являются частью отношений власти, так и природу государства, которые предлагается изучать как размытые повседневные практики доминирования и сопротивления, в том числе через объекты собственности. Сущность различий в подходах иллюстрируется на примере неформального землепользования китайских фермеров в приграничном регионе России.

Использование экономического подхода объясняет, почему у китайского фермера есть стимулы для ведения бизнеса вне формальных легальных норм и почему сложившаяся система землепользования неэффективна. Однако экономический подход не предлагает интерпретации поведения «государства», вводящего барьеры, которые, по сути, и являются причиной изъятия административной ренты. Использование социологического подхода позволяет объяснить, как организованы отношения власти между

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (12-32-01065) «Вне закона: повседневные практики природопользования на Дальнем Востоке».

Рыжова Наталья Петровна — доктор экономических наук, магистр социальной антропологии Кембриджского университета, заведующий Амурской лабораторией экономики и социологии Института экономических исследований ДВО РАН, Благовещенск (n.p.ryzhova@gmail.com)

Ryzhova Natalia — Doctor of Science (Economics), M.Phil in Social Anthropology (Cambridge University), head of Amur laboratory for economics and sociology of Economic Research Institute of FEB RAS, Blagoveshchensk (n.p.ryzhova@gmail.com)

участниками рынка, как эти отношения позволяют функционировать сложившейся системе отношений собственности, более чем далекой от теоретического идеала «полноценной частной собственности». Включение отношений власти позволяет понять, что механизмом неформального инфорсменты выступает взаимная заинтересованность российского и китайского фермера, вытекающая из их доминирования друг над другом. Также социологический подход частично объясняет поведение представителей государства, которые извлекают ренту из обладания административным статусом. Применение антропологического подхода позволяет понять, как сопротивление власти и доминированию может приводить к распространению практик китайского землепользования, которые интерпретируются как «неформальные».

Ключевые слова: *отношения собственности, собственность на землю, власть, государство, приграничные регионы, фермеры, Россия, Китай.*

В чем состоят различия экономических, социологических и антропологических подходов к исследованию собственности? Ответ на этот вопрос далеко не очевиден. Можно даже предположить, что границы между этими дисциплинами прозрачны и достаточно приложить лишь небольшое усилие для их преодоления. Например, собственность на землю в постсоциалистических странах выступала предметом экономических (Swinnen 2002; Sedik, Trueblood, Arnade 1999), антропологических (Verdery 2003; Verdery, Humphrey 2004; Hann et al 2003; Ханн 2007) и социологических исследований (O'Brien, Wegren, Patsiorkovsky 2005; Виноградский 1999). Представители каждой из дисциплин при этом нередко ссылались на труды одних и тех же авторов, например, Д. Норта (North 1990; Норт 2010), признанного основоположника неинституционального экономического подхода, А. Чаянова (Чаянов 1926), внесшего значительный вклад в исследование причин «отклоняющегося» от теоретических догм экономического поведения крестьян, или Дж. Скотта (Scott 1985), ставшего известным благодаря антропологическим исследованиям «моральной экономики выживания». Как отмечал К. Ханн, неудачи постсоциалистических реформ, расцвет неинституционального подхода и возросшее внимание экономистов к культурным факторам (нормам, традициям и обычаям) давало надежду на плодотворное сотрудничество экономистов и антропологов в рамках исследования собственности, которая, тем не менее, не оправдалась (Hann et al 2003: 29). В данной статье я хочу развить эту идею и попытаться объяснить, в чем состоят междисциплинарные границы в исследованиях собственности на землю и почему они не исчезают, несмотря на пересекающиеся предметы, объекты и теории.

Кто-то может заявить, что научное исследование определяют используемые методы, и, следовательно, междисциплинарные границы существуют из-за различий в них. В такую логику укладывается заявление о том, что

экономические исследования опираются на математические модели, ориентируются на количественные оценки и прогнозы, тогда как антропологи, исследующие «незападные», или «традиционные» общества, выбирают качественные методы. Такое объяснение не может удовлетворить. Несмотря на очевидную тенденцию к усложнению математического аппарата в экономике, активное использование количественных опросов в социологии или традиционный этнографический метод в антропологии, для всех трех дисциплин характерно заимствование методов друг у друга. Хотя антропологи нередко «упрекают» экономистов в том, что они ориентированы на «предсказание» (Graeber 2001: 7), а социологи — в том, что экономические модели рынка давно устарели (Радаев 2005), сами экономисты легко отказываются как от *homo economicus*, так и от нормативного подхода. Экономисты, а не только социологи, все активнее используют «традиционно антропологический» этнографический метод, и было бы ошибкой сказать, что полевые данные для них — «anecdotal evidence», пригодный лишь для иллюстрации эконометрических расчетов. Классическим примером является работа нобелевского лауреата Е. Остром (Ostrom 1990), которая использовала этнографические данные для исследования разнообразия институтов собственности при управлении ресурсами общего пользования и доказала, что не только частная собственность гарантирует их долгосрочную эффективность. В свою очередь, антропологи и социологи с успехом использовали, а антропологи не менее успешно и категорично отказались от статистических количественных методов и моделей. Примером применения статистического анализа в антропологических исследованиях собственности является влиятельная работа Дж. Гуди (Goody 1976), который сравнивал системы брачных поставок (приданого, выкупа и т. п.), используя данные этнографического атласа, и объяснял их технико-экологическими факторами. Он, в частности, доказывал, что распространенность приданого в Евразии связана с преобладанием пахотного (плужного) земледелия, при котором женский труд не является ценным ресурсом и женщина рассматривается как дополнительная «обуза», для содержания которой передается часть собственности ее семьи. Отсюда Гуди делает вывод, что приданое в Евразии являлось механизмом передачи собственности наследникам обоих полов. Хотя теоретическая концепция Гуди была жестко раскритикована антропологами (Hann 2008), она остается значимой как минимум для обоснования ими альтернативной аргументации (Unnithan-Kumar 1997), и, более того, развивается в экономических исследованиях (Anderson 2007). Таким образом, не предмет и объект, не теории и даже не метод разделяют подходы трех дисциплин к исследованию собственности.

В данной статье я пытаюсь доказать, что основным механизмом междисциплинарного разделения выступает концептуальное понимание природы власти, ее роли в распределении и управлении экономическими ресурсами. Я рассматриваю только права собственности на землю сельско-

хозяйственного назначения, хотя в качестве объекта могли бы выступать и другие экономические ресурсы, и предлагаю три объяснения (экономическое, социологическое и антропологическое) одного этнографического случая, а именно неформального использования земли китайскими фермерами в Амурской области. Таким образом, я не предлагаю обзора всех возможных подходов к исследованию собственности на землю, что вряд ли возможно сделать в одной статье, да и в одной книге, а лишь сопоставляю возможные объяснения одного конкретного социально-экономического феномена. Структурно статья представлена пятью разделами. В первом обсуждаю, почему отношения собственности следует рассматривать через отношения власти, во втором — описываю этнографический случай, в следующих трех — представляю его объяснение.

Собственность как отношения власти

Большинство современных исследователей согласятся, что собственность следует понимать не как отношения между человеком и вещью, но как отношения между людьми по поводу управления, присвоения, распределения, получения дохода от вещи. *Отношения между людьми*, т. е. между теми, кто владеет, и теми, кто не владеет вещью, необходимо рассматривать как отношения власти, поскольку только власть позволяет получать доступ к правам собственности, удерживать права и перераспределять их.

К. Маркс в своей «теории экономических отношений собственности» в явном виде рассматривал собственность как отношения власти. Согласно его теории, класс собственников, живущий за счет доходов, получаемых от владения средствами производства, использует находящуюся в его руках материальную, политическую, идеологическую власть для исключения доступа подчиненного класса к средствам производства. Изменение отношений собственности (например, отмена частной собственности) должна вести, согласно Марксу, к изменениям в отношениях власти. Нельзя сказать, что идеи Маркса потеряли свою актуальность для современных исследователей, однако новые теории сместили фокус с диалектических отношений между классами, отвергли однозначно эволюционный характер развития общества, а категория власти в целом ушла «с поверхности» современных теорий собственности. Это не означает, что данная категория не представлена в них совершенно, она скорее не всегда акцентируется, но ее выявление позволяет понять, где проходят междисциплинарные границы.

В экономических исследованиях собственности объектом анализа выступает индивидуальный агент, стремящийся максимизировать функцию полезности в рамках организационной структуры. Несмотря на то, что анализируются стимулы и взаимодействия между агентами, а смысловым центром является исключительность (исключение несобственников из доступа к ресурсам), *власть и насилие как часть взаимодействия между индивидами* экономистов не интересуют. Они возникают *на другом уровне анализа*

и уже как данность, как гарант функционирования существующей системы прав собственности. Так, в книге «Власть и собственность» Е. Гайдар, один из идеологов экономических реформ в современной России, пишет: «при безвластии понятие собственности теряет смысл. На вопрос “кто владеет?” ответ один: “тот, за кем сила”. Массовые грабежи — характерная черта периода безвластия» (Гайдар 2009: 69). Эта фраза отражает современное экономическое, а также идеологическое понимание необходимости концентрации власти в руках государства, которое специализируется на принуждении к выполнению норм (North 1981: 21). Государство, согласно неоинституциональному подходу, должно способствовать четкой спецификации прав собственности (т. е. исключать всех, кто не владеет собственностью, от доступа к ней), выступать гарантом прав для тех, кто владеет собственностью, и источником правового инфорсmenta, т. е. обеспечивать работу судов, полиции и т. п. Надежная защита прав собственности и полная спецификация выступают стимулом для экономических агентов к максимизации прибыли и принятию максимально эффективных решений, повышающих благосостояние всего общества. Специфицируя права собственности и обеспечивая инфорсмент, государство, согласно Норту, руководствуется и собственными фискальными интересами.

Эти теоретические утверждения далеко не всегда соответствуют реальности и потому вызывают вопросы. Могут ли массовые грабежи случиться вне периода «безвластия»? Может ли само государство стимулировать перераспределение собственности или грабежи? Что такое «собственные интересы» государства? Кто является их носителем, как интересы носителей государственной власти согласуются с интересами собственников и несобственников? Не всегда ли владеющий собственностью — это «тот, за кем сила»? Что такое сила, власть и государство, наконец? Экономисты долгое время вообще не интересовались феноменом государства и лишь недавно начали искать ответы на подобные вопросы, предложив теорию «рационального выбора» (Buchanan, Tollison, Tullock 1980), рассматривая эволюцию от «хищнического» к «государству развития», или от «естественного» к «государству открытого доступа» (Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011), и анализируя влияние качества экономических и политических институтов на экономический рост, неравенство или «провалы наций» (Acemoglu, Robinson 2012). Поскольку власть и источник монополии на насилие в этих исследованиях не дискутируются, а остаются «политологам, политическим социологам и аналитическим философам» (Олейник 2011: 166), то обсуждение проблем институтов собственности в рамках экономического подхода превращается в своеобразный замкнутый круг. Государство должно изменить институты для повышения эффективности использования объектов собственности, но для этого вначале каким-то образом должно измениться само государство и отношения власти в нем; но если государство измениться не может, например, потому, что находится в «институциональной

ловушке» или «колее», то и эффективность объектов собственности не изменяется.

Нет сомнений, что такие идеи, как взаимосвязь между собственностью и властью, роль собственности в формировании межклассовых отношений, склонность собственников доминировать, контролировать и эксплуатировать тех, кто собственностью не обладает, очевидны для социологов (Carruthers, Agiovich 2004) и наиболее исследованы ими. Собственность как источник власти, как механизм социальной стратификации рассматривалась уже в трудах классиков (Durkheim 1992: 121–170). Несколько удивительно поэтому, что современные социологи относительно редко исследовали феномен собственности (Swedberg 2003: 203). Это не помешало им подвергнуть сомнению эксклюзивность прав государства на насилие. Например, Э. Томпсон (Thompson 1975) показал, что восприятие новаций в частной собственности как нелегитимных привело английские общины XIX в. к сопротивлению, а усиление насилия со стороны властей лишь провоцировало больший уровень сопротивления. Появление экономической социологии и социальные трансформации последних лет способствовали росту интереса к теме собственности (Fligstein 2001; Stark 1996). Исследования переходных обществ подтвердили, что легальный инфорсмент собственности в некоторых случаях может заменяться «неформальным», осуществляться альтернативными, в том числе криминальными, агентами (Волков 2012). Таким образом, отношения собственности как отношения власти находятся на повестке социологических исследований, при этом *дискутируется источник, способы обоснования и поддержания власти и инфорсмента собственности*. Эта повестка, как правило, предполагает рассмотрение *дихотомических отношений*: доминирующие группы противопоставляются подчиненным, легальный инфорсмент — нелегальному, а государство — гражданскому обществу. При этом *само государство остается неким последовательным, согласованным, когерентным институтом*. Такая когерентность затрудняет и вуалирует возможность изучения роли власти в управлении собственностью. Например, потому, что исключает возможность исследования диффузных, многоцелевых и непоследовательных интересов государства и его представителей в формировании институтов управления собственностью и не позволяет оспорить правильность, надежность современных знаний о том, как *должны быть* распределены права собственности.

Современная социальная антропология оспаривает как дихотомию отношений власти, так и теоретические догмы о собственности, являющиеся, по мнению современных антропологов, частью власти.

Вместо дихотомии, т. е. противопоставления сопротивления в открытой форме доминированию, насилию и государственной машине угнетения, современная антропология захвачена идеей размытой, многомерной и неопределенной власти и столь же размытого, неопределенного и ненаправленного сопротивления (Abu-Lughod 1990: 42). Государство из когерентно-

го социального института превращается в «скрытую реальность», в «идеологическое устройство для легитимации власти» (Abrams 1988). Граница между государством и гражданским обществом становится размытой, для исследования этого феномена предлагается фокусироваться на повседневных практиках чиновников и публичном дискурсе (Gupta 1995). *Отказ от дихотомии и когерентности в пользу рассмотрения повседневных отношений власти и скрытого сопротивления* отличает и антропологический подход к пониманию собственности. Так, например, К. Вердери (Verdery 2003) в исследовании приватизации и реституции собственности на землю в Трансильвании обсуждает, насколько непредсказуемым, отличным от ожиданий экспертов оказалось поведение крестьян, которые не стремятся к кооперации даже при остром дефиците трудовых ресурсов, не хотят консолидировать участки, но хотят вернуть земли, принадлежавшие их семьям, даже если не смогут их обрабатывать. Сопротивление новым экономическим правилам характеризует, по Вердери, не только поведение крестьян, но и представителей власти, которые своими действиями препятствуют проведению реформ, стараясь сохранить свой властный статус. Исследовательница также отмечает, что сопротивление изменениям, а именно коллективизации, было характерно и для советского периода, и именно оно позволило сохранить, пусть и в скрытой, латентной форме, культуру собственности на землю.

Теоретические знания о собственности как часть властных отношений могут быть проиллюстрированы следующей цитатой из книги Е. Гайдара: «Отсутствие полноценной частной собственности, нераздельность собственности и административной власти при несомненном доминировании последней, властные отношения как всеобщий эквивалент, как мера любых социальных отношений, экономическое и политическое господство бюрократии (часто принимающее деспотические формы) — вот определяющие черты восточных обществ. Подобные черты присущи странам “третьего мира” даже сегодня. Именно они прежде всего являются причиной отсталости и застойной бедности. Они же являются и залогом того, что эта отсталость и бедность будут сохраняться, воспроизводиться, усугубляться и далее» (Гайдар 2009: 190).* Э. Саид в своей влиятельной книге «Ориента-

* Одним из первых, кто озвучил идею «неполноценной собственности» Востока в сравнении с Западом, был К. Маркс, затем она была развита К.-А. Витфогелем. Хотя антропологи и археологи отвергли большинство выводов Витфогеля на основании отсутствия подтверждающих свидетельств, его выводы продолжают оказывать влияние на противопоставление западной модели собственности всем прочим. Согласно Витфогелю, для эффективного управления масштабными работами (строительством систем ирригации) в некоторых странах требовалась централизация усилий по организации труда большей части населения страны. Это вело к тому, что лица, контролирующие организацию работ, не только управляли создаваемой собственностью, но и «обладали уникальными возможностями для достижения

лизм» (Said 2003) жестко критиковал западные воззрения на Восток как способ культурной дискриминации, поддержки политического доминирования западной цивилизации и оправдания колониализма. В его текстах критиковались западные тексты о Востоке, которые изображают иррационального, слабого и феминизированного Другого, контрастирующего с рациональным, сильным и мужественным Западом (Said 2003: 65–67). Концептуализация частной собственности в «странах третьего мира» как неполноценной также может рассматриваться как часть механизма доминирования и оправдания колониализма. Поэтому антропологи ставят под сомнение «знания», противопоставляющие институты частной собственности на Западе и в других странах мира, и спрашивают, что именно содержится в концепте «полноценной частной собственности» и должна ли и *может* ли западная система заменить «азиатские» отношения собственности.

Исторический антрополог А. Макфарлейн (Macfarlane 1998) доказывает, что система индивидуальной собственности в Англии развивалась в течение

высшей политической власти» (Wittfogel 1957: 27). Витфогель настаивал, что власть и отношения собственности на землю в гидравлическом государстве принципиально отличались от отношений, характерных для западноевропейских государств. «В азиатско-деспотических государствах владение землей и бюрократическая должность пересекались. Чиновники-землевладельцы гидравлического государства получали политическую власть непосредственно от деспотического правительства, которое они сами и формировали. Земля в гидравлическом государстве могла, конечно, способствовать правительственной карьере и предоставлять дополнительный доступ к власти, но изначально должна была быть получена в качестве дохода от государства. Если западноевропейское феодальное джентри поддерживало стабильность политической власти государства, в том числе время от времени открыто конфликтуя с ней, то в гидравлических государствах собственность на землю не просто была получена от государства, но в значительной степени выступала властью-собственностью» (Wittfogel 1957: 299). Иначе говоря, земля в гидравлических государствах являлась лишь источником дохода, а в европейских — еще и политической власти (Wittfogel 1957: 318). Витфогель относил постмонгольскую Русь к маргинальным, а Киевскую Русь к субмаргинальным деспотическим государствам, имея в виду, что специфические деспотические институты не были связаны с необходимостью строительства крупных объектов собственности, но были импортированы. Концепции «власти-собственности» и «азиатского деспотизма» неоднократно использовались отечественными исследователями для характеристики отношений собственности на землю в современной России. Например, В. Вольчик указывает, что «эффективность использования власти-собственности зависит от регламентации или предпочтений со стороны государства... Агенты, пользующиеся покровительством государства, фактически владеют собственностью, формально являющейся частной или общественной. Так как в меркантилистической экономической системе всегда существует опасность потерять предпочтения государства, эксплуатация и функционирование объектов собственности будут вестись хищническими методами и, следовательно, всегда неэффективно в долгосрочном периоде» (Вольчик 2005: 79).

столетий благодаря двум особенностям: делению прав собственности при неделимости вещи и централизованному феодализму, защищавшему индивидуальные (что важно — не семейные) права аристократии. Макфарлейн также настаивает, что исторически английские особенности *не были повторены* ни в одной другой стране мира. Если верить этому выводу Макфарлейна, то механизмы импорта англосаксонской системы собственности и вариации гибридных институтов в разных странах, современные особенности собственности в самой Великобритании, а также развитие знаний об этом являются ключевыми моментами для понимания различий в системах собственности и экономического развития государств в целом. Эту задачу действительно часто ставят и решают экономисты, социологи и антропологи.*

В рамках англосаксонской традиции собственность может быть полной или относительной в зависимости от того, каким «пучком прав» обладает собственник (держатель). При передаче части прав из пучка (владения, физического пользования материальными объектами, присвоения «плодов», управления) собственник становится обладателем относительного права собственности; он остается собственником, даже если отдал все права, хранящиеся в условном «ящике собственности», при условии, что не произошло отчуждения собственности (Фуруботн, Рихтер 2005). Только обладая безусловным правом, собственник может отчуждать (продавать) землю или другую собственность. Теория прав собственности утверждает, что существование таких условий, *при которых полное право не может быть оформлено*, является существенным и едва ли не основным *ограничением эффективного использования собственности*. Исследователи часто ссылаются на Э. де Сото (де Сото 1995), который приводит данные «в подтверждение этого вывода». Он указывает, что именно сложность получения зарегистрированных прав собственности является причиной развития неформальной экономики в странах «третьего мира» и вообще их экономического отставания. В свою очередь, проблемы регистрации прав связаны, по де Сото, с безграничной властью государства над собственностью, преобладанием узурфрукта и бюрократизацией («страна в полном смысле никогда не была страной собственников, а скорее — страной узурфруктариев, арендаторов» (де Сото 1995: 225)). Однако «безграничная власть государства» над собственностью является особенностью отнюдь не только Перу. Например, вся земля в Англии и Уэльсе принадлежит монарху, тогда как собственники имеют лишь безусловное право пользования этой землей и строениями, которые на ней находятся. Это не означает, что монарх пользуется своим правом, но теоретически земля может быть изъята. Распространенность приобретения британской недвижимости на правах

* Пример подобного анализа, со ссылкой на исследование Макфарлейна, представлен в книге «Насилие и социальные порядки» (Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 151–197).

leasehold (т. е. безусловного права пользования недвижимостью на определенный срок) — указывает на то, что Англия, так же как и Перу, скорее страна арендаторов, чем собственников. Де Сото также делает особый акцент на необходимости реформы регистрации собственности, в том числе путем организации полного и открытого кадастра. В нашумевшей книге «Кто владеет Британией и Ирландией» журналист К. Кэхилл (Cahill 2002) указывает, что государственная структура, ответственная за регистрацию земли в Великобритании, не имеет информации о том, кто владеет около 50 % земли, находящейся в частной собственности, поскольку обязательной регистрации подлежат только совершаемые сделки купли-продажи. Иначе говоря, ряд преимуществ британской системы собственности над системами стран «третьего мира» может быть поставлен под сомнение. Более того, исследования антропологов по поводу возможности эффективной имплантации институтов неутешительны. Многие из них даже настаивают, что миф о необходимости имплантации англосаксонского права собственности создавался и поддерживался в рамках колонизации и постколониционной структурной адаптации (Mitchell 2002) и применения разных вариантов неолиберальной модели, которые вели к лишению прав собственности и ее концентрации (Elyacher 2005). На концентрацию собственности указывает и де Сото: «имена привилегированных лиц или семей [в Перу — *H. P.*] изменяются с каждым новым правительством, но система остается неизменной: она не только концентрирует национальное богатство в руках меньшинства, но и легализует его права на это богатство» (де Сото 1995: 21). В Великобритании собственность на землю концентрирована никак не меньше, чем в Перу (по данным того же Кэхилла, 0,6 % населения владеют около 60 % британской земли), но, в отличие от Перу, имена привилегированных лиц остаются неизменными на протяжении столетий. Поэтому, если перефразировать де Сото, у них нет смысла «направлять значительную часть средств не на плодотворную деятельность, а на внедрение в бюрократические круги, чтобы таким образом защитить свои интересы» (де Сото 1995: 225).

Таким образом, в экономическом подходе значение власти в отношениях собственности присутствует в неявном виде, а государству отводится роль гаранта прав собственности и источника хороших или плохих институтов. В социологическом подходе власть присутствует в отношениях собственности в явном виде, дихотомически определяя отношения между доминирующими и подчиненными, а исключительная роль когерентного государства в обеспечении инфорсmenta подвергается сомнению. Наконец, в антропологическом подходе власть возникает в виде дискурсивного экономического знания и размытых повседневных практик доминирования и сопротивления через объекты собственности; при этом вместо государства как системы политических институтов или социального института изучаются серии обычных, повседневных управленческих практик.

Описанная классификация подходов может быть подвергнута критике, и какие-то работы легко могут оказаться за пределами «отведенных» им границ. Например, антропологическое исследование отношений собственности как отношений власти, встроенных в политическую иерархию, М. Глюкмана (Gluckman 1965a) опиралось на структурный функционализм, сформированный на идеях классической социологии и являвшийся в 1960-е гг. мейнстримом для антропологии.* Исследование Глюкмана, противопоставлявшее отношения между административным и хозяйственным сословиями, оказалось бы скорее в социологическом, чем антропологическом пуле работ. Это легко объяснимо. Представители разных наук, как я уже упоминала, активно заимствуют идеи и методы друг у друга; марксистские идеи оказали существенное влияние на каждую из дисциплин, так же как в настоящее время не только антропологию, но и социологию активно изменяет наследие М. Фуко; наконец, доминирующие и периферийные концепции в каждой из дисциплин остаются подвижными. Поэтому предложенная классификация имеет смысл только как способ выявления имеющихся *на сегодняшний день* существенных и генеральных различий между дисциплинами в части исследования отношений собственности как отношений власти.

Неформальное землепользование китайских фермеров в Амурской области: описание эмпирического случая

Граничащая с Китаем Амурская область расположена на российском Дальнем Востоке и характеризуется такими широко обсуждаемыми особенностями развития этого региона, как низкая плотность населения, непрекращающийся миграционный отток, деиндустриализация. Сельское хозяйство является традиционной отраслью специализации Амурской области. В области производятся зерновые культуры, соя, картофель, овощи. Основной агрокультурой является соя, потенциал по ее производству достигает 70 % общероссийского показателя. Наибольшая доля в структуре продукции сельского хозяйства приходится на хозяйства населения (более 70 % в конце 2000-х гг.). Общая площадь земель сельскохозяйственного

* Согласно Глюкману, права на землю в изучаемых им государствах принадлежали королю, который делегировал их региональному руководителю, который, в свою очередь, передавал их лицу, руководившему деревней. Каждое домашнее хозяйство, названное Глюкманом «производственным сословием», имело право получить надел для обработки. Держание земли в этой системе никогда не было коллективным (как в коммунистическом государстве) или индивидуальным (как в западных государствах), но отражало социальную структуру именно этого африканского общества. Представители «административного сословия» были обязаны предоставить домашним хозяйствам то количество земли, на которое последние претендовали. То есть крестьяне требовали увеличения размера земельного надела, не имея права собственности на эту землю.

назначения Амурской области на 1 января 2013 г. составила 3538,3 тыс. га, или 10 % от всего земельного фонда территории, наибольшая же доля приходилась на земли лесного фонда — 84 %. Из общей площади земель сельскохозяйственного назначения 2359,3 тыс. га (66 %) приходилось на сельскохозяйственные угодья, в том числе на пашню — 1494,3 тыс. га (42 %) (Сведения о наличии и распределении земель...). В отличие от наблюдавшегося до конца 2000-х гг. в целом по России сокращения площади сельскохозяйственных угодий, в Амурской области это сокращение приостановилось в 2003 г. Рост сельскохозяйственных угодий происходил за счет перераспределения земель запаса (т. е. земель, не зарегистрированных ранее в собственности). Несмотря на рост площади угодий, в регионе вплоть до 2012 г. продолжалось увеличение площади залежи (232,2 тыс. га); а в 2013 г. впервые за долгие годы она уменьшилась, будучи переведенной в категорию используемой земли.

Этнографические данные, которыми я буду оперировать в данной работе, были получены в период 2011–2012 гг. в рамках выполнения научного исследования о барьерах доступа к природным ресурсам, а также проведения оценки целесообразности создания в регионе Агропромышленного парка. В процессе наблюдения и интервьюирования фермеров наша исследовательская группа должна была понять, какие сложности испытывают предприниматели при получении доступа к земельным ресурсам сельскохозяйственного назначения, и может ли Агропромпарк (в качестве так называемого «института развития») быть полезным в их экономической деятельности. Таким образом, как практическое, так и научное исследование не было ориентировано специально на изучение «неформального землепользования» китайских фермеров. Однако для людей, с которыми мы разговаривали, эта тема была актуальной — и для тех, кто никогда не вел совместный бизнес с китайскими гражданами, и тем более для тех, кто вот уже двадцать лет вовлечен в совместное землепользование. О землепользовании китайских фермеров знают и чиновники: *«По этому году 2600 [гектаров картофеля — Н. Р.] официально было посажено. Плюс еще 1000 гектаров неформально садили наши китайские товарищи»* (И12, список информантов см. в конце статьи).

Я располагаю 31 интервью продолжительностью от 40 до 120 минут. В некоторых из них теме китайского землепользования отводится лишь несколько минут, т. к. я не стремилась стимулировать обсуждение этой темы специально. Однако тот факт, что тема присутствует практически в каждом интервью, говорит о ее значимости для региона и людей, которые в нем проживают. В интервьюировании участвовало два фермера, имеющих гражданство КНР, а также два фермера, имевших опыт совместной деятельности с китайскими фермерами. Помимо интервьюирования, использовалось неформализованное наблюдение, в том числе в населенных пунктах, где работают китайские граждане, а также привлекались вторичные данные (статистические, публикации СМИ и органов власти). Вторичные

данные подтверждают, что в 2005–2012 гг. Амурская область входила в четверку регионов с наибольшими объемами китайских прямых инвестиций в сельское хозяйство. Сопоставление китайских и российских официальных данных подтверждает существование не учитываемой российской статистикой деятельности китайских фермеров. Народное правительство г. Хэйхэ провинции Хэйлунцзян отчиталось о том, что только в одном, 2009 г., китайскими фермерами было реализовано 36 проектов в области развития сельского хозяйства. Было освоено 800 тыс. му (53 тыс. га) земли (Экономика и связи Китая 2010: 82). Вместе с тем официально учтены федеральной службой госстатистики по Амурской области только семь предприятий с китайскими инвестициями в сельском хозяйстве за весь период наблюдения 2000-х гг.

Впрочем, расхождения в данных официальной статистики вряд ли были известны и тем более с малой долей вероятности имели значение для людей, которые говорили о предпринимательстве граждан КНР как о неформальном землепользовании. Что же тогда заставляет «обычных людей» обсуждать китайских фермеров как нелегалов? Неформальное землепользование обсуждалось в двух основных контекстах — доступа к земле и хищнического отношения к ней. Первая тема преобладала.

Доступ к земле. Китайские фермеры включены во владение, пользование и распоряжение земельными участками в Амурской области на иных условиях, и наши информанты это понимали и подчеркивали. Часть из них стремятся оформить официальную аренду земли (см. случай 1 и 2), либо ведут совместный бизнес (случай 3), либо аренда оформляется на подставных лиц (случай 4). В основном для тех, кто не ведет бизнес с китайскими фермерами, оба случая — 3 и 4 — выглядят как неформальное землепользование, но и случаи 1 и 2 могут быть интерпретированы подобным образом.

Случай 1: «с подписанием формального договора аренды». Фермер (гражданин РФ) зимой 2011 г. приобрел считавшуюся свободной землю через аукцион, оформив договор аренды на 20 лет. Весной на участке обнаружил теплицы. Оказалось, что на участке уже несколько лет работают китайские фермеры, которые, в свою очередь, предъявили договор, подписанный еще в 2004 г. ответственным чиновником администрации одного из районов области. Документ оказался не зарегистрированным в госорганах и поэтому недействительным. Причины заключались в том, что фермер не обладал необходимыми знаниями и не обратился за соответствующими консультациями. Чиновник, подписавший договор и получавший небольшую административную ренту в течение всего срока пользования землей, не имел стимулов объяснить порядок правильных юридических действий. В результате китайский фермер должен был освободить обрабатываемую землю, но его деятельность в публичном дискурсе зафиксировалась как неформальная. Не только российский фермер с «правильными» документами настаивал на этом, но и люди, по сути, не владевшие информацией о ситуации.

Случай 2: «с подписанием формального договора аренды». Фермер (гражданка КНР) в 2005 г. подписала официальный договор аренды и благодаря юридическим услугам посредника зарегистрировала его в установленном порядке. В 2008 г. сменились органы местного самоуправления. До смены руководства фермер не оплачивала «административную ренту» в денежной форме, но время от времени помогала школе, детскому саду произведенными продуктами, т. е. административная рента выплачивалась, но направлялась на оплату общественных благ. В 2008 г. руководитель муниципального образования потребовал оплаты ренты в прямой, денежной форме. Фермер, имея квалифицированного посредника-юриста, обратилась в суд. Но издержки длительного судебного производства, выплаты юристу сделали дальнейшее производство неэффективным: 2012 г. стал последним годом работы этого фермерского хозяйства.

Таким образом, китайские фермеры, следующие по пути подписания формального договора аренды, либо вынуждены регулярно платить административную ренту, либо в любой момент могут быть выведены из состава действующих на рынке экономических агентов. Российские фермеры, особенно имеющие возможность предъявлять и отстаивать свою позицию в органах местного самоуправления, в органах власти, имеют стимулы требовать ограничения деятельности китайских фермеров, поскольку последние часто обладают конкурентными преимуществами. Ситуация неопределенности подталкивает китайских фермеров к поиску способов альтернативного инфорсmenta. В результате Случай 2 как стремление к полностью легальному ведению бизнеса является исключением. Создание совместных предприятий, с формальным оформлением бизнеса на российского предпринимателя — наиболее распространенная деловая схема.

Случай 3: «совместное предприятие». Российский фермер предоставляет земельный участок, технику, решает миграционные вопросы по ввозу иностранной рабочей силы. Китайский фермер ввозит китайских рабочих, осуществляет управление ими. Поскольку не только ввоз иностранной рабочей силы предполагает преодоление значительных административных барьеров, но и вывоз иностранной рабочей силы из Китая, вопреки распространенным представлениям, требует преодоления уже китайских барьеров, такое распределение обязанностей оправданно. Доход от производства сельхозпродукции делится в соответствии с договоренностью пропорционально активам и затратам. *«То есть, в большинстве, в девяносто процентов случаев, которые я знаю, кто бы что ни говорил, идет разговор о том или ином сотрудничестве. Т. е. фермер предоставляет земельный участок, оказывает помощь техникой, которая у него есть, и решает ряд каких-то вопросов, которые необходимо решить с рабочими. Т. е. в расцвет нашего сотрудничества с китайцами, когда у нас это было, т. е. я вот тут как раз напротив миграционной службы, постоянно здесь решался вопрос о провозке иностранной рабочей силы, по ее обеспечению всем необходимым, по ее работе, по всему»* (И2).

Фермеры, предоставляющие «свои» земли (т. е. арендованные на длительный срок) для совместного использования, подчеркивают, что они заинтересованы в эффективном использовании земли и делают все возможное для этого.

Случай 4: «квазиузуфрукт». Фермер (гражданин РФ) с 2004 г. передает часть земель, находящихся у него в официально оформленной долгосрочной аренде, китайским фермерам. Субаренда не оформляется официальными договорами. *«Ну, понимаете, у меня есть на сегодняшний день земельный участок, который как бы не используется. Он расположен далеко от моих баз, от тех мест, где у меня техника, где у меня постоянные люди и так далее, и так далее. Да я с удовольствием, т. е. без разницы китаец там будет или узбек или русский, я за него, за этот участок месяц назад заплатил двадцать тысяч рублей, ничего на нем не произведя. Т. е. если я буду там что-то производить, это будет сплошной убыток для меня. Но он мне стратегически важен, потому что как бы в планах моего предприятия в дальнейшем на этом участке организовать кое-что. Я не хочу от него отказываться. Но просто тупо платить двадцать тысяч за него мне тоже как-то не нравится»* (И3). *«[Скажите, а когда Вы сдаете в аренду Ваш участок, не востребованный в настоящий момент, Вы его как-то контролируете?] Я его сдаю в аренду, ну как бы в аренду, т. к. я же договор не оформляю. Но сдаю только тем, кого знаю, давно, и он мне доверяет, и я. И я, да, контролирую, чтобы земля нормально так использовалась, я же планирую дальше развиваться»* (И2).

В ряде случаев контроль над тем, как используется сданный в неформальную субаренду участок земли, все же не осуществляется. Это происходит в тех случаях, если доступ к получению новых участков земли для российского предпринимателя не ограничен, и поэтому его может не волновать изменение качества земельного участка. В Амурской области земля не является редким ресурсом в том смысле, что существуют значительные залежные земли и земли запаса, за счет которых может быть увеличена земля сельскохозяйственного назначения. Основное ограничение доступа к земельным ресурсам связано с существованием административных барьеров.* На российских предпринимателей наибольшее влияние оказывает

* Очевидно, что развитие описываемых в работе неформальных практик землепользования происходит из-за существования административных барьеров приобретения земли в собственность для иностранных граждан и наличия государственной границы. Так, новый российский Земельный кодекс признает за иностранными гражданами право частной собственности на землю, но вместе с тем оставляет территориальные барьеры для получения такой собственности — в частности, иностранцы не имеют права приобретать участки, расположенные на приграничных территориях; их перечень установлен указом Президента РФ от 9 января 2011 г. № 26. До установления указанного перечня введенное земельным кодексом ограничение рассматривали фактически как запрет на предоставление иностранцам земельных участков на всей территории России (Волков 2007: 10). Также иностран-

существование коммуникационных барьеров, связанных с невозможностью получения обратной связи от представителей власти, отсутствия доступной и / или понятной информации, сложной и чрезмерной длительности выполнения процедур.* Соответственно, те, кто может преодолеть коммуникационный барьер, имеют лучший доступ к земельным ресурсам, но при этом и меньшие стимулы для контроля качества земельного участка.

Важно, что самой старой практикой из всех четырех рассмотренных случаев является, видимо, совместное предпринимательство. Некоторые фермеры, судя по имеющейся у нас информации, имеют китайских партнеров с середины 1990-х гг. Напротив, практика «квазиузуфрукта» появилась относительно недавно, примерно с середины 2000-х гг. Подписание формальных договоров аренды относится к началу 2000-х гг., когда были приняты соответствующие нормативные акты в России и подписаны межправительственные соглашения.

Хищническое землепользование. Китайские фермеры, как правило, используют пленочные технологии, которые часто обсуждаются в контексте неформального землепользования: «Пленка запахивается, а он просто переходит на новую землю и захламляет уже ее» (И 4). Кроме того, в публичном дискурсе присутствует представление о том, что китайцы используют нелегальные химические препараты для защиты растений: «Защита растений у них идет не нашими препаратами, они завозят, в основном, свои препараты и льют туда так, чтобы показать, что этот овощ розовый там или ... ну спелый. Там применяются ускорители, все остальное. Им важно сбыть эту продукцию. Мы с вами, для них, с точки зрения биологического существа — ничто... мы те... которые должны у них купить, и все. А они получить свою прибыль и смыться к себе в Китай, для того что бы красиво жить зиму» (И5). Фермеры, ведущие бизнес с китайскими гражданами, не согласны ни с одним из этих «обвинений»: «Культиватор уберет остатки пленки вместе с корневищами. Я ведь на этой земле работаю уже десять лет и планирую работать еще

ные граждане не имеют права приобретать земельные участки на других «особых» для обеспечения национальной безопасности территориях, например, там, где находятся военные объекты. Важным ограничением является и то, что иностранные граждане не имеют права приобретать в собственность земельные участки сельскохозяйственного назначения, но могут обладать ими на правах аренды (Федеральный закон № 101-ФЗ: ст.3).

* Российские исследователи (Фадеева 2009) не раз отмечали значимость коммуникационных барьеров, таких как отсутствие или неработоспособность соответствующих институтов кадастрового учета, оценки и межевания земли, асимметричность информации и др. Даже при отсутствии формальных запретов и наличии хорошо прописанных механизмов перераспределения прав собственности на землю могут существовать неформальные правила, ограничивающие соответствующие сделки. Эти правила могут заключаться, например, в требовании уплаты взятки или неявной необходимости согласования каждой сделки с конкретным чиновником.

пятнадцать. Я заинтересован в том, чтобы она сохранялась. Если я буду лить запрещенные химикаты, рано или поздно мою продукцию проверят... но поле-то мое, я его не выброшу, это урожай можно выбросить, но не поле» (И2).

Подводя итог описанию этнографического случая, отмечу, что в целом оценка деятельности китайских фермеров остается негативной, обсуждается ее нелегальность, долгосрочная неэффективность, «несправедливость» по отношению к российским фермерам, а также к российскому народу в целом. Деятельность китайских фермеров в других странах и регионах мира (Африке, Центральной Азии, Восточной Европе) также часто имеет негативную оценку (Cotuba et al 2009). Нередко используются такие термины, как «захват земель» и «новый колониализм», но при этом очень ограничена достоверная информация, позволяющая рассматривать феномен как с практической, так и с теоретической позиций. В следующих разделах я предлагаю различные интерпретации описанного случая, пытаюсь ответить на вопросы, что представляет собой, почему существует неформальное землепользование китайских фермеров, как осуществляется его инфорсмент?

Экономическое объяснение этнографического случая: неэффективность использования земли

Поскольку этнографический случай представлен различными вариантами передачи части прав на землю в форме права на узуфрукт, в рамках которого собственник сталкивается с издержками контроля и мониторинга использования объекта собственности, то экономическая теория прав собственности предлагает рассмотреть структуру трансакционных издержек собственника (Фуруботн, Рихтер 2005). Экономическая теория прав собственности предсказывает, что у китайского фермера, использующего участок земли в течение ограниченного времени, отсутствуют стимулы для инвестирования в развитие и даже в сохранение свойств участка. При этом как рациональный экономический агент он будет стремиться использовать землю максимально эффективно с точки зрения получения краткосрочных выгод, например, будет иметь стимулы для внесения нелегальных удобрений, если в результате будет увеличиваться отдача на капитал. Но это будет означать, что в момент отказа от права на узуфрукт он вернет землю в худшем состоянии, чем в момент получения права. Поэтому собственник, ориентированный на сохранение качества участка, будет нести дополнительные трансакционные издержки, а именно издержки контроля и мониторинга использования. При получении земли в долгосрочную аренду самим китайским фермером такой контроль могут осуществлять хозяйства (предприятия, фермеры или частные лица), либо государство или муниципалитет (если земля не оформлена в собственности, либо предоставлена в пользование гражданам в виде долей, но собственники не оформили право и не осуществляют контроль самостоятельно). У контролеров от государства или муниципалитета не будет особых стимулов для обеспечения эффективного

использования земли, при этом издержки мониторинга будут высокими. Даже если контроль будет осуществлять собственник, транзакционные издержки будут выше в сравнении со случаем, если собственник сам обрабатывает землю. Поэтому общая, как долгосрочная, так и краткосрочная, эффективность системы арендного землепользования ниже, в сравнении с вариантом, когда землю обрабатывает сам собственник, инвестируя в ее сохранение и не неся транзакционных издержек мониторинга.

Отсюда могло бы следовать два предложения по повышению эффективности использования земли: либо создать условия для того, чтобы китайские фермеры имели возможность использования участка в течение длительного времени, либо чтобы они были полностью исключены и землепользование осуществляли только российские фермеры. Для экономической теории прав собственности происхождение капитала не имеет значения, но оно имеет значение для российского государства, которое стремится ограничить присутствие китайского бизнеса, особенно в части его прав собственности на земли в приграничных регионах.* Поэтому вводимые государством административные барьеры препятствуют формированию института собственности, одинаково эффективного и для китайского и для российского фермера. Неэффективность института стимулирует китайского фермера искать иные способы инфорсментации своих прав, что реализуется через схемы «совместного бизнеса» и «квазиузуфрукта». Российские фермеры, в свою очередь, имеют стимулы к использованию схемы «совместного бизнеса», поскольку она позволяет иметь дополнительную отдачу на собственный капитал, т. к. привлечение китайского фермера позволяет значительно экономить на затратах труда. «Совместный бизнес» позволяет также экономить на затратах по мониторингу земли и в целом выглядит как наиболее эффективный вариант в сложившихся институциональных условиях. Однако «квазиузуфрукт», особенно в ситуации, когда

* Государственная граница выступает наиболее очевидным территориальным барьером, поскольку большинство современных государств в большей или меньшей степени ограничивают доступ к получению права собственности на землю. Многие государства, и не только с переходными институтами, резервируют некоторые права собственности на землю для себя, например, запрещая получать земли в собственность иностранным лицам в некоторых районах, например, в приграничных и тех, которые имеют особое значение для национальной безопасности. Например, Испания, Аргентина, Бразилия, Эквадор, Панама, Перу имеют ограничения на покупку земли иностранцами в приграничных районах. Более либеральный режим установлен для иностранцев-собственников во Франции, Италии, Германии, Англии, Финляндии, но иностранцы ограничены в покупке земли, например, в Швейцарии, Канаде. Есть страны, где покупка земли иностранцами и вовсе запрещена, например, в Мексике, где такое право имеют только граждане по рождению, натурализации, а также мексиканские компании (Литовкин, Суханов, Чубаров 2008).

землю сдает предприниматель, имеющий доступ к землям, но не заинтересованный в мониторинге земли, может оказаться более выгодным для китайского фермера, т. к. не требует от него инвестиций в поддержание качества земли.

Эти рассуждения объясняют, почему у китайского фермера существуют стимулы для ведения бизнеса вне формальных легальных норм, почему сложившаяся система землепользования неэффективна и даже может демонстрировать тенденцию к снижению эффективности. Но они не содержат объяснений отношений собственности как отношений власти и поэтому не предлагают интерпретации поведения «государства», вводящего барьеры, которые, по сути, и являются причиной сложившихся институциональных условий, так же как не объясняют существования и изъятия административной ренты.

Социологическое объяснение этнографического случая: административные барьеры и рента

Административные барьеры и рента изучаются не только социологами. Модель триады власти (Олейник 2011), которую я использую для анализа случая неформального землепользования китайских фермеров, развивает *экономическую* теорию общественного выбора, но сам автор подчеркивает, что предлагаемый им подход носит междисциплинарный характер. Причина, которая позволяет мне использовать эту модель для демонстрации того, как социология, а не экономика могла бы объяснить неформальное землепользование китайских фермеров, состоит в следующем. Модель А. Олейника предназначена для объяснения механизма *доминирования государства* над рынком, а, как я отмечала, именно социологический подход в наиболее явном виде противопоставляет государство как когерентный институт гражданскому обществу или рыночным агентам и в явном виде обсуждает источник и механизм насилия и власти государства над рыночными агентами. Тот факт, что в данной модели рассматривается «триада» вместо дихотомии, отличающей социологические подходы, не приближает ее к антропологическим концепциям. Поскольку власть у Олейника концентрирована, направлена и последовательна (т. е. его представитель государства действует как рациональный рыночный агент, просчитывающий последствия своих действий), для выявления этой власти не требуются специальные инструменты, поиском которых заняты антропологи.

Итак, представители теории рационального выбора утверждали, что «государство представляет собой удобное поле деятельности, направленной на извлечение ренты». Ее может извлекать либо бизнес, который в концепции «дорожной кассы» платит за вход на рынок, либо государство, которое в концепции «захвата регулятора» подчиняется бизнесу. Как заявляет А. Олейник, в этих классических объяснениях существует заметный недостаток, а именно отсутствие внимания к существованию третьей стороны,

бизнеса, над которым доминирует государство и бизнес, связанный с государством и имеющий от него преференции. Существование трех, а не двух сторон, по Олейнику, помогает лучше понять то, как функционирует российская экономика: государство (актор «С») устанавливает барьеры ведения бизнеса, создавая предпосылки для укрепления своих позиций и извлечения ренты; бизнес, обладающий доступом к административному ресурсу (актор «А»); и бизнес, лишенный административных преимуществ, довольствующийся лишь ненамного большим того, что он получил бы, не входя на рынок (актор «В») (Олейник 2011).

Возвращаясь к этнографическому случаю, на первый взгляд, очевидно, что и в случае с совместным предприятием китайский фермер остается «страдающей стороной», **актором «В»**. Более того, в явном виде выделяется **актор «А»**: «Он ничего не делает, он одел белую рубашку... Приехал, китайцы выскочили, ноги облизали, ручки поцеловали, деньги отдали, он поехал домой» (И6). **Актор «А»**, российский предприниматель, имеет возможность получения земельной ренты благодаря связям с представителями государства, **актором «С»**: «И много таких “фермеров”, которые и земли не видели никогда. Они живут в городе, а китайцы работают на земле. Те только получают деньги. Конечно, они все связаны с администрациями — с теми, кто имеет доступ к распределению земель» (И10). В пользу **актора «С»** перераспределяется часть земельной ренты в виде административной ренты: «Кто-то имеет право дать в аренду землю. [Существует] второй человек, который просто хотел бы заработать, ну организовать, чисто заработать, даже не организовывая. Вот есть у Вас земля, я к Вам прихожу и говорю, дайте, пожалуйста, 200 га земли. Зачем? Я привезу китайских рабочих, и они будут заниматься сельхозпроизводством. Вот он завозит... но не он хозяин там. Он ставит китайского бизнесмена там... предпринимателя... ну как его назвать? Вот. Все! Он не участвует в процессе, он не хозяин, он не производит и не реализовывает, понимаете? Всё, он просто получает ... деньги от этого, больше ничего» (И7). Оба **актора «С» и «А»** заинтересованы в поддержании высоких барьеров доступа китайских фермеров на российский рынок и в целом в существовании высоких барьеров доступа к земельным ресурсам.

Впрочем, позиция китайского фермера не обязательно подчиненная. Он может изменить свою позицию с **актора «В»** на **актора «А»**, имея доступ к уникальному, недоступному для других участников рынка, ресурсу. Таким ресурсом является дешевая и качественная китайская рабочая сила. Китайские работники могут быть незаменимыми из-за низкого качества их российских «конкурентов»: «...Русского рабочего не найдешь днем с огнем. Сегодня он есть, завтра он не пришел. Вчера он трезвый, завтра он пьяный, а послезавтра он взял твой трактор, поехал на рыбалку и его утопил. ... китайских завозят не потому, что они дешевле, т. е. они больше умеют, они не пьют. И эти же восемь часов, но они работают» (И2). Впрочем, качество китайской рабочей силы также не гарантировано, в том случае, если ее нанимает

российский фермер: «Вы знаете, мне попадались такие китайские рабочие. ... они первый раз в жизни увидели тяпку, работать они не хотели в принципе, бригадир, как они говорят, капитан [китайский предприниматель, нанимающий рабочих — Н. Р.], буквально с палкой за ними бегал, чтобы они что-то делали»; «... их потом палкой не выгонишь, у них контракт. А он лежит тупо, ничего не делает, а ты деньги должен платить. А он тупит: ничего не понимаю, ничего не знаю. ... и будешь вокруг них бегать с дубиной, подгонять, только развернулся, а он опять ничего не делает» (И3). «Гарантии» появляются в том случае, если китайский фермер нанимает рабочих самостоятельно и во многом благодаря этому находит российского партнера: «но китайский рабочий, он будет работать только под китайцами, он не будет под русскими работать. Ему нужно, чтоб хозяин был»; «почему китайских рабочих нет? Ну не дорос, наверное, ума не хватило вовремя взять... я много искал себе компаньонов, партнеров... Нужна производственная база, тут нужны какие-то родственные отношения, как вот произошло у нас в N, в В. Там китаец женат на дочке фермера, и он раз, раз, организовал, китайцев привез, какие-то такие моменты» (И6).

Распределением квот на ИРС (инострannую рабочую силу), управлением этим барьером занимаются представители государства (**актор «С»**): «вопрос с китайцами у нас тоже как бы чисто, плохо говорить, но часть чиновников ... ну она куплена. Вот представьте себе, что у нас квота в прошлом году была 100 человек, в этом году где-то 120 человек, но что такое 120 человек китайцев квота в сельском хозяйстве? Мы говорим: “Ребята, давайте за нулевую квоту”, ну не делают погоду эти 100 человек китайцев, но зато для нас китайцы все на одно лицо. В квоте у нас 100, а трудятся у нас тысячи китайцев, я говорю, давайте мы квоту “занулим”, и вот каждый китаец, который будет на поле, это уже будет нелегальный китаец 100 %. Так Вы думаете, кто не хочет? Правительство не хочет, потому что кто-то где-то там имеет финансовые эти самые, потому что за счет этого решают финансовые проблемы» (И7).

Таким образом, концепция триады власти позволяет выделить несколько типов **акторов «С»**. Первый заинтересован в существовании нераспределенной, но годной к сельскохозяйственному производству земли, а следовательно, в существовании территориальных и коммуникационных барьеров. Второй — в существовании искусственного дефицита на ИРС, следовательно, высоких барьеров на ее привлечение. Третий (китайский «бригадир») — в существовании барьера доступа к китайскому рынку дешевой и качественной рабочей силы. Доминирование **актора «А»** обеспечивается благодаря связям с **актором «С»** и вытекающей из этого доступности земли, а также заключению неформального договора аренды с китайским фермером. Китайский фермер, **актор «В»**, работающий под патронажем **актора «А»**, имеет меньшую прибыль, в сравнении с ситуацией, если бы он получил землю в аренду напрямую, без посредничества **актора «А»**; однако

он более защищен от риска в сравнении с ситуацией прямой аренды земли. Кроме того, он имеет возможность изменять переговорную силу и повышать свою позицию в триаде власти благодаря использованию «редкого ресурса» — труда китайских рабочих. В самой же уязвимой позиции оказывается российский фермер, другой тип *актора «В»*, не имеющий ни доступа к административному ресурсу, ни возможности привлечь дешевую иностранную рабочую силу.

Эти рассуждения позволяют объяснить, как организованы отношения власти между участниками рынка, как эти отношения власти позволяют функционировать сложившейся системе отношений собственности, более чем далекой от теоретического идеала «полноценной частной собственности». Они позволяют понять, что механизмом неформального инфорс-мента, например, «совместного предприятия», выступают не формальные контракты, а взаимная заинтересованность российского и китайского фер-мера, вытекающая из доминирования друг над другом. Также данный под-ход частично объясняет поведение представителей государства, которые извлекают ренту не из владения правами собственности на землю, но ис-ключительно из обладания административным статусом. Извлечение рен-ты непосредственно из статуса и стремление к захвату и удержанию этого статуса отличает представителей российского государства как от пэров Макфарлейна, которые удерживали господство или получали власть через удержание или перераспределение земли, так и от предпринимателей де Сото, стремящихся получить доступ к власти для защиты своей собствен-ности. Наибольшее сходство обнаруживается с представителями «адми-нистративного сословия» Глюкмана, что исследователи отмечали и ранее применительно к чиновникам советского (Humphrey 1998) и ранне-пост-советского периода (Verdery 2003).

Аналитическая абстракция, в которой представитель государства «вво-дит барьеры» доступа к земле, не дает ответа на вопрос, как, через какие механизмы не крупный политический деятель или чиновник, участвующий в подготовке законопроектов, а «маленький человек», например, предста-витель органов местного самоуправления в амурском селе, может влиять на принимаемые в федеральном центре формальные правила. Либо необходи-мо допустить, что все представители государства имеют одни и те же цели (что, конечно, невероятно), либо необходимо объяснение, как создается, конструируется и достигается видимая когерентность, последовательность государства как машины по извлечению ренты.

Антропологическое объяснение этнографического случая: власть и сопротивление

Власть может рассматриваться как доминирование правящих элит над подчиненными, как предполагается в социологическом подходе. Однако более пристальный взгляд на позицию каждого отдельного экономического

агента в рассмотренной модели Олейника заставляет понять, что любой доминирующий, в том числе и представитель «актора С», может быть одновременно и подчиненным. Антропологический подход требует понимания, что власть (в терминах Фуко), проникающая повсюду, размытая и воплощенная в дискурсе, знаниях и режимах правды (Foucault 1978: 30), не может избирательно обходить представителей государства, «охранников на входе». Даже высшее лицо в тоталитарном государстве проживает в определенных «режимах правды»*, которые, конечно, отличаются от режимов его подданных, но, тем не менее, определяют, перформатируют его действия. Проблема состоит в том, что если власть везде, то ее невозможно выявить и изучить. Л. Абу-Лугод, с отсылкой к противоречивому утверждению Фуко что «где власть, там и сопротивление» (Foucault 1983: 96), заявляет, что фокус на повседневное сопротивление может помочь антропологам «исследовать власть в конкретных ситуациях» вместо оперирования «абстрактными теориями» (Abu-Lughod 1990: 42).

Утверждение, что знания, режимы правды и дискурсы определяют действия представителей власти и «обычных людей», означает, например, что необходимость возврата частной собственности на землю как бесспорное условие перехода к рынку также является частью властных отношений. Хотя бы потому, что эти знания должны были воспитать, дисциплинировать, сделать и собственников, и несобственников удобными для новой, капиталистической системы хозяйствования. Но если власть всегда приводит к сопротивлению, то тогда не удивительно, почему «обычные люди» могут хотеть продолжить вести привычный образ жизни, отказываясь становиться собственниками и фермерами, даже если «знают», что без введения частной собственности на землю страна «обречена» на застойную бедность и прочие беды. Это сопротивление могло способствовать тому, что земля какое-то время обрабатывалась в привычных коллективных формах хозяйства, а затем она и вовсе оказалась брошенной, поскольку материальные факторы поддерживали моральное сопротивление изменениям. Необрабатываемые земли попадали в управление представителей власти «на местах», укрепляя их статусные позиции, а впоследствии стали источником административной ренты. Кроме того, наличие необрабатываемой земли поддерживало другой корпус знаний, об угрозах безопасности, которая традиционно имела специфику в этом регионе из-за границы с Китаем.

* «Правда не за пределами власти и не лишена власти», напротив, она «производится силой многочисленных принуждений и вызывает регулятивные эффекты власти». Каждое общество имеет собственный режим правды, который включает дискурсы, которые производятся в обществе; механизмы, которые позволяют отделять правду от лжи; официально одобренный путь того и другого; техники оценки достижения правды; статусы тех, кто имеет право определять, что может быть оценено как правда (Foucault 1978).

Выявление власти в повседневных практиках через сопротивление позволяет объяснить, почему официальные договоры аренды «хуже работали» у китайских фермеров. «Режим правды», общественный, научный, публичный дискурс относительно китайского предпринимательства и вообще китайского присутствия в России представлены, например, «желтой угрозой» (еще со времен царской России), вопросами государственной безопасности (особенно в советское время), «ползучей миграции» (особенно в постсоветское время). Поэтому даже если представитель органов местного самоуправления подписывает договор о выделении земли китайскому предпринимателю, поскольку поменялись нормативные акты и законодательство не препятствует, а соглашения о межправительственном сотрудничестве приветствуют такую деятельность, он одновременно прочитывает этот договор в контексте привычных знаний о «небезопасности». Однако этот же представитель государства понимает, как уменьшится сила его доминирования, возможность извлечения административной ренты, если вся земля будет оформлена формально в соответствии с действующими правилами. Понятно, что у него есть основания сопротивляться изменениям формальных институтов, ограничивающих его власть. Поэтому, подписывая договор, но не сообщая информацию о необходимости его регистрации (как в «случае 1»), или требуя выплаты административной ренты, в том числе на содержание детского сада или школы (как в «случае 2»), он одновременно сохраняет свой статус, возможность извлечения ренты и оправдывает (явно или неявно) эти действия стремлением к соблюдению государственных интересов или социальной справедливости по отношению к «русскому народу». Иначе говоря, он руководствуется знаниями, сопротивляется изменениям отношений власти, сохраняет свой статус и способствует отклонению системы отношений собственности от «идеала», предполагающего следование определенным формальным процедурам.

Конечно, не все «обычные люди» сопротивлялись институциональным изменениям, некоторые приветствовали возможность получения собственности на землю. Однако фермеры приграничного региона должны были производить продукцию, конкурентную по отношению к продукции, произведенной в Китае. Это оказалось сложным: транспортные расходы на доставку китайской продукции в приграничную область минимальны, существует возможность уклонения от уплаты таможенных пошлин, а заработная плата сельхозрабочих в Китае непропорционально низкая. Необходимость выживания требовала от российских фермеров, прежде всего, экономии на затратах труда, а близость дешевой рабочей силы и наличие доступной земли для расширения производства подталкивали российских фермеров к созданию неформальных «совместных предприятий». Впрочем, доступ к земле и наличие китайских партнеров были гарантированы не всем фермерам, поэтому те, кому не удалось создать «совместное предприятие», стали активно обвинять «совместные предприятия» в неформальной дея-

тельности. Я не утверждаю, что интерпретация «совместного предпринимательства» в терминах неформального землепользования — это способ конкурентной борьбы, скорее интерпретация угрозы собственному бизнесу в терминах разделяемых большинством знаний.

Дискурсивные практики о распространенности неформального землепользования китайских фермеров стимулировали принятие более жестких нормативных актов, то есть ужесточали барьеры ведения бизнеса, что, в свою очередь, усиливало позиции представителей власти. Вводились новые механизмы контроля и мониторинга, в частности над мигрантами, что способствовало укреплению знаний о неформальном поведении китайских мигрантов. Контроль над «угрожающей безопасностью ситуацией» передается все выше. Например, в регионе губернатор лично принимает решения о квотах на иностранную рабочую силу, что затрагивает все рассматриваемые здесь аспекты — размер ренты, возможность снижения затрат труда за счет ведения «совместного предпринимательства» и т. п. Таким образом, ситуация не-когерентности изменяется, «машина по извлечению административной ренты» становится более логичной и последовательной: контроль, распоряжение землей и, следовательно, возможности по извлечению ренты передаются на более высокий властный уровень. В частности, перед форумом АТЭС в российских и международных СМИ* активно обсуждалась возможность предоставления сельскохозяйственных земель, в том числе расположенных в Амурской области, в аренду иностранным компаниям. Переговоры об этом велись на высшем уровне, но не сообщалось, какие конкретно земли по формам собственности могут быть привлечены к реализации этих проектов.

Заключение

Междисциплинарные границы в исследовании собственности не остаются постоянными. Исследователи проявляют значительную изобретательность, адаптируя методы, заимствуя теории, применяя знакомые концепции в новых интерпретациях. Многие специально подчеркивают, что они стремятся к междисциплинарности, некоторые не обращают особого внимания на дисциплинарную принадлежность, например, отсылая к антропологическим источникам и трактуя их через экономические теории. Тем не менее, я пыталась доказать, что отличить подходы в исследовании собственности относительно просто, если обратить внимание на то, как представлены и интерпретированы отношения власти.

На эмпирическом случае я показала, как государство оказывается за скобками анализа отношений собственности в экономическом исследовании, сконцентрированном на индивидуальном агенте, максимизирующем полезность, как действия представителей государства становятся предме-

* См., напр.: [<http://farmlandgrab.org/post/view/19967>] (дата обращения июль 2012).

том анализа складывающихся неформальных отношений собственности в социологическом исследовании, и как знания о собственности могут быть интерпретированы как отношения власти, власть рассматриваться и выявляться через сопротивление, а сопротивление приводит к распространению практик, которые интерпретируются как «неформальные».

Каждое из представленных объяснений неформального землепользования китайских фермеров, конечно, достаточно поверхностно и требует расширения и углубления анализа, что невозможно сделать в одной статье. При этом я не ставила задачу оценки аналитической ценности подходов, хотя бы потому, что каждый из них направлен на решение разных задач. Я хотела показать, в чем состоят различия в подходах, поскольку полагаю, что понимание различий лучше всего способствует сближению.

Литература и источники

Виноградский В. Природные и социальные контексты неформальной экономики крестьянской России // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999, с. 173–182.

Волков Г.А. Актуальные вопросы земельного законодательства // Закон, 2007, 1, с. 10–17.

Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.

Вольчик В.В. Природа меркантилистической экономики и институт власти-собственности // Экономический вестник Ростовского государственного университета, 2005, 3 (2), с. 73–82.

Гайдар Е. Власть и собственность: смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 2009.

de Soto Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy, 1995.

Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010.

Китайские овощеводы захламляют амурские земли полиэтиленовой пленкой. Сайт Амуринфо. 15 апреля 2008 [<http://www.amur.info/news/2008/04/15/37059>]. Дата обращения — апрель 2013.

Латов Ю.В. Власть-собственность в средневековой России // Экономический вестник Ростовского государственного университета, 2004, 2 (4), с. 111–133.

Литовкин В.Н., Суханов Е.А., Чубаров В.В. Право собственности: актуальные проблемы. М.: Статут, 2008.

Сведения о наличии и распределении земель сельскохозяйственного назначения на территории Амурской области // Министерство сельского хозяйства Амурской области. [<http://agroamur.ru/5/5.html>]. Дата обращения — апрель 2013.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества, Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.

Олейник А. Власть и рынок. Система социально-экономического господства в России «нулевых годов». М.: «Росспэн», 2011.

Радаев В.В. *Экономическая социология*. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

Сельское хозяйство Амурской области за 1995–2000 гг. Сб. Амуроблкомстат. Б., 2001.

Сельское хозяйство, охота и лесоводство в Амурской области за 2010 г. Сб. Амурстат. Б., 2011.

Турубинер А.М. *Право государственной собственности на землю в Советском Союзе*. М.: МГУ, 1958.

Указ Президента Российской Федерации № 26 от 9 января 2011 г. «Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками».

Фадеева О.П. *Земельный вопрос на селе: наступит ли «момент истины»? // Экономическая социология*, 2009, 10 (5), с. 50–71.

Федеральный закон № 101-ФЗ от 24 июля 2002 г. «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», в ред. ФЗ от 18 июля 2005 г. и от 5 февраля 2007 г.

Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. *Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории*. Пер. с англ. под ред. В.С. Катькало и Н.П. Дроздовой. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.

Ханн К. *Отношения собственности в постсоциалистических обществах // Журнал исследований социальной политики*, 2007, 5 (2), с. 151–178.

Чаянов А. (1926) *К вопросу о теории некапиталистических экономических систем // Неформальная экономика. Россия и мир*. Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 467–497.

Экономика и связи Китая с Россией // Деловой Китай. Т. 50. М.: Полпред, 2010.

Abu-Lughod L. *The Romance of Resistance: Tracing Transformations of Power through Bedouin Women*, *American Ethnologist*, 1990, 17 (1), pp. 41–55.

Abrams P. *Notes on the Difficulty of Studying the State*, *Journal of Historical Sociology*, 1988, 1 (1), pp. 58–89.

Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*, Crown Publishing Group, 2012.

Anderson S. *The Economics of Dowry and Brideprice*, *Journal of Economic Perspectives*, 2007, 21(4), pp. 151–174.

Buchanan J.M., Tollison R.D., Tullock G. *Toward A Theory of the Rent-Seeking Society*, Texas A & M University Press, 1980.

Cahill K. *Who Owns Britain and Ireland*. Canongate Books Ltd, 2002.

Carruthers B.G., Ariovich L. *The sociology of property rights*, *Annual Review of Sociology*, 2004, 30, pp. 23–46.

Cotuba L., Vermeulen S., Leonard R., Keely J. *Land Grab or Development Opportunity? Agricultural Investment and International Land Deals in Africa*. FAO, IIED and IFAD, 2009.

Durkheim E. *Professional Ethics and Civic Morals*. Transl. C Brookfield. London: Routledge, 1992.

Elyachar J. *Markets of Dispossession: NGOs, Economic Development, and the State in Cairo*. Durham: Duke University Press, 2005.

- Fligstein N. *The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2001.
- Foucault M. *The History of Sexuality*. Vol. 1: An Introduction. New York: Random House, 1978.
- Foucault M. *The Subject and Power // Beyond Structuralism and Hermeneutics*, 2nd ed., ed. by H.L. Dreyfus and P. Rabinow, Chicago: University of Chicago Press, 1983.
- Gluckman M. *Politics, Law and Ritual in Tribal Society*. Oxford: Basil Blackwell, 1965a.
- Gluckman M. *The ideas in Barotse Jurisprudence*. New Haven, CT: Yale University Press, 1965b.
- Goody J.R. *Production and Reproduction: A Comparative Study of the Domestic Domain*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Graeber D. *Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams*. Palgrave, 2001.
- Gupta A. Blurred boundaries: the discourse of corruption, the culture of politics, and the imagined state, *American Ethnologist*, 1995, 22 (2), p. 375–402.
- Hann C. Reproduction and Inheritance: Goody Revisited, *Annual Review of Anthropology*, 2008, 37, pp. 145–158.
- Hann C., Rottenburg R., Schnepel B., Shimada S. *The Postsocialist Agrarian Question: Property Relations and the Rural Condition. Halle Studies in the Anthropology of Eurasia*, Vol. 1. Münster: LITVERLAG, 2003. Pp. 1–41.
- Humphrey C. *Marx went away — but Karl stayed behind*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998.
- Hunt R.C. and Gilman, A. (eds). *Property in economic context*. Lanham, Md.: University Press of America, 1998.
- Larson K.M. *A Lesson in Ingenuity: Chinese Farmers, the State, and the Reclamation of Farmland for Most Any Use*. Pacific Rim Law & Policy Association, 1998. P. 831–857.
- Macfarlane A. The mystery of property: inheritance and industrialization in England and Japan, in: *Property Relations*, ed. by Hann C.M., University of Kent at Canterbury, 1998, pp. 104–123.
- Mitchell T. *Rule of Experts: Egypt, Techno-Politics, Modernity*. University of California Press, 2002.
- North D.C. *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1990.
- North D.C. *Structure and Change in Economic History*, N.Y., 1981.
- O'Brien D.J., Wegren S.K., Patsiorkovsky V.V. Marketization and Community in Post-Soviet Russian Villages, *Rural Sociology*, 2005, 70 (2), pp. 188–207.
- Ostrom E. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge University Press, 1990.
- Said E.W. *Orientalism*, Penguin Books, 2003.
- Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press, 1985.
- Sedik D., Trueblood M., Arnade C. Corporate Farm Performance in Russia, 1991–1995: An Efficiency Analysis, *Journal of Comparative Economics*, 1999, 27(3), pp. 514–533.
- Stark D. Recombinant property in East European capitalism, *American Journal of Sociology*, 1996, 101, pp. 993–1027.
- Swedberg R. *Principles of Economic Sociology*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2003.

Рыжова Н.П. *Земля и власть: различия в подходах к исследованию собственности*

Swinnen J.F.M. Land reform in Russia: constraints and policy implications, *Economic Systems*, 2002, 26 (2), pp.159–162.

Thompson E.P. *Whigs and Hunters: The Origin of the Black Act*. New York: Pantheon, 1975.

Unnithan-Kumar M. *Identity, Gender, and Poverty: New Perspectives on Caste and Tribe in Rajasthan*. Oxford: Berghann Books, 1997.

Verdery K., Humphrey C. (eds). *Property in question: value transformation in the global economy*, Oxford: Berg, 2004.

Verdery K. *The vanishing hectare: property and value in postsocialist Transylvania*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003.

Wittfogel K.-A. K. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press, 1957.

Список информантов, на интервью с которыми сделаны ссылки

1. Интервью с представителем сельскохозяйственного кооператива, гражданин России, Муж., 2011.

2. Интервью с фермером, имевшим общий бизнес с китайским фермером, производство картофеля и овощей, гражданин России, Муж., 2011.

3. Интервью с фермером, имевшим общий бизнес с китайским фермером, производство картофеля и овощей, гражданин России, Муж., 2012.

4. Интервью с фермером, производство картофеля, гражданин России, Муж., 2011.

5. Интервью с фермером, производство картофеля, гражданин России, Муж., 2012.

6. Интервью с фермером, производство мяса, гражданин России, Муж., 2011.

7. Интервью с фермером, производство овощей и мяса, гражданин России, Муж., 2011.

8. Интервью с фермером, производство овощей, гражданин Китая, Жен., 2011.

9. Интервью с фермером, производство овощей, гражданин Китая, Муж., 2011.

10. Интервью с фермером, производство сои и картофеля, гражданин России, Муж., 2011.

11. Интервью с фермером, производство сои и овощей, гражданин России, Муж., 2011.

12. Интервью с чиновником, гражданин России, Муж., 2012.